

Ольга Гаврилина

Под итальянским

СОЛНЦЕМ

— Уютный детектив —

Уютный детектив

Ольга Гаврилина

Под итальянским солнцем

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гаврилина О. М.

Под итальянским солнцем / О. М. Гаврилина — «Эксмо»,
2019 — (Уютный детектив)

ISBN 978-5-04-106207-1

Новость прогремела по всей Италии – в маленьком сонном городке на берегу моря, где никогда ничего не происходит, пропала юная девушка. Некоторые убеждены – ветреная миловидная Беатрича просто сбежала с друзьями в Рим повеселиться! Но журналистка Лола подозревает, что дело обернется трагедией, а интуиция еще никогда ее не подводила – не даром же ей, остроумной и энергичной эмигрантке из России, удалось завоевать себе прочное место под итальянским солнцем. Чутье помогает ей прикоснуться к тайне и выдать в эфир серию сенсационных репортажей, которые повергают в шок ленивого итальянского зрителя! Вот только как теперь отвязаться от местного «мачо», темпераментного Пино на «Альфа Ромео»?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106207-1

© Гаврилина О. М., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	25
Глава 5	27
Глава 6	29
Глава 7	31
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ольга Гаврилина

Под итальянским солнцем

Все совпадения с настоящими именами и реальными событиями случайны и являются фантазией автора.

Часть первая

Глава 1

– Можем давать в эфир или нет?

– Да, режиссер вроде показал, что все о'кей. Как-никак, девочка пропала, а то исчезновением старушек уже замучили.

– Лола, слышишь, даем звонок в студию! – прозвучало в наушнике. – Аверана, юг Италии, три дня назад исчезла девочка, четырнадцать лет, вышла из дома в два часа дня и не вернулась. Говорить будет мать.

Ведущая немного напряглась: опять что-то непредвиденное. Но ведь в этом и заключался интерес к программе, которая шла в прямом эфире.

– К нам поступил звонок из Авераны, – тут же вступила Лола, – три дня назад Беатрича, четырнадцать лет, вышла из дома, чтобы пойти на море со своей двоюродной сестрой Сабриной. Как выяснилось, у Сабрины она так и не появилась, и больше ее никто не видел. Мама Беатричи звонит нам и хочет сделать заявление.

– Очень прошу помочь в поиске моей дочери... бесспорно, полиция делает все возможное... – Было ясно, что говорившая женщина волновалась ужасно, казалось, что ей не хватало сил закончить предложение, и на последних словах она переходила на шепот и останавливалась. – Но умоляю вас, если кто-то видел мою дочь... или слышал, как дети говорят о Беа, может, она собиралась куда-нибудь с друзьями... очень прошу, отзовитесь, для нас важно все. Обращаюсь в первую очередь к жителям Авераны и окрестностей... – Она слабо кашлянула и затихла окончательно.

– Вы могли бы прислать нам фото вашей дочери? В конце программы мы покажем ее в эфире. Сейчас с вами свяжутся и дадут наш электронный адрес, – автоматом выпалила Лола фразу, которую повторяла выпуск за выпуском.

– Але, але! Я двоюродная сестра Беа, – в студию ворвался молодой и чуть испуганный голос. – Мы искали ее на пляже, мы объехали весь поселок, но это же мистика какая-то! Ее нигде нет, сегодня уже четвертый день! Очень надеемся, что отзовется кто-нибудь, кто ее видел.

– Итак, ждем фотографию Беатричи, и думаю, что наша программа займется этим делом.

Лола слышала в наушник, как режиссер дает команду переходить к следующему эпизоду, и перевернула страницу своего блокнота.

– Ну что, ничего хоть девчушка, а то все страшненькие какие-то пропадают, – прошептал оператор помощнику режиссера – тот уже рассматривал фотографию Беатричи.

На них смотрела девочка с серыми глазами, с прямыми высветленными волосами и яркими, нелепо накрашенными губами, которые совсем не вязались с подростковой внешностью.

– Даем фото, – сделал отмашку режиссер.

– Просим внимательно всмотреться в это лицо, и всех, кто видел девочку в течение последних трех дней, позвонить в студию, – проговорила Лола заученный текст и, попрощавшись со зрителями, еще раз напомнила, что их программа берет на себя расследование исчезновения Беатричи.

Передача «Их кто-нибудь видел?» занималась исчезновениями людей. Как правило, это были уголовные дела, просто так никто не испарялся. Любовниц и жен убивали мужья, прятали

труп и делали вид, что понятия не имеют, где они могут находиться, детей крали с целью выкупа. Только с пожилыми людьми чаще всего происходили настоящие несчастные случаи.

– Личико ничего, но эти красные губы... как бы на них не польстился педофил какой-нибудь, – обратился к уже входящей в гримерку Лоле тот же оператор.

– Не знаю, – ответила она, скорее чтобы отвязаться, но, увидев приближающегося режиссера, все-таки остановилась.

– Чует мое сердце, что с исчезновением этой девочки у нас будет много работы.

– Прямо так вот и чует? – чуть насмешливо ответила Лола, уже стоя в дверях и всем своим видом показывая, что эфир ее утомил и все серьезное лучше перенести на завтра. Как действовать в таких случаях, она прекрасно знала – надо срочно ехать в Аверану и разбираться на месте, и что это в ее интересах, ей тоже было известно. В инструкциях она не нуждалась. Режиссеру просто хотелось поболтать после сложного эфира, а может, и выпить, но ей было плевать. Прошли те времена, когда она завоевывала место под итальянским солнцем и изо всех сил старалась не обидеть и даже угодить, работая как конь. После очередного трудового дня она послушно тащилась вместе с рабочей группой в бар, чтобы держаться в команде и быть на одной волне со всеми.

– Я думаю, эта аверанская Лолита еще наведет шороху, наконец-то что-то стоящее светит, – все не унимался режиссер.

– Какая Лолита, ее же Беатрича зовут, – встрял оператор.

– Долго объяснять, – отмахнулся режиссер, уверенный, что уж Лола-то должна понять отсылку и оценить его начитанность.

Ей совсем не хотелось вступать в дискуссию о Набокове, и, аккуратно отеснив их обоих, она закрыла дверь гримерки.

Лола, достаточно известная в своих кругах журналистка русского происхождения, что само по себе уже просто невероятно в Италии, вот уже три года как работала на одном из телевизионных каналов, который принадлежал Берлускони. Несмотря на то что здесь любили поговорить о равенстве и демократии, выбиться на такой уровень иностранке или, как их здесь называли, «extracomunitario» (то есть «неместному» или, проще говоря, «гастарбайтеру») было практически невозможно. Конечно, есть такое понятие, как Удача, но эта капризная барышня отвернется от тебя, если нет умения и твердости характера.

В десять лет Олю (здесь все называли ее Ола или Лола, легче в произношении, ведь в итальянском языке нет буквы «я» и итальянцам непросто ее произнести) привезли в Италию. Притащила ее туда «мамашка» (как в шутку называла она свою маму), которую во времена нашей перестройки пригласили работать в Брешию, индустриальный город на севере «сапога». Оставив ненадолго Олю в «колонии», родительница бросилась искать квартиру и устраиваться на новом месте. Колония на самом деле представляла собой пионерский лагерь в лучших традициях, с чистенькими домиками прямо на берегу моря, монашками в роли пионервожатых и молитвами вместо утренней и вечерней линеек. Монашки были молодые и веселые, еда вкусная, и Оля в свои десять лет очень быстро начала болтать по-итальянски. Она была общительной от природы, и опасения, что ей будет одиноко и неуютно одной среди итальянских детей, совершенно не оправдались. Так же быстро, как выучила язык, она привыкла и к средиземноморской кухне и предпочла макаронам по-флотски большие сковородки толстой пасты, которую монашки делали своими руками, с соусом из ракушек и морских гадов.

Ее светлые волосы, выгоревшие на ярком солнце, желтым одуванчиком горели среди черных головок других детей, а золотистый загар сильно выделял ее среди коричнево-смуглых обитателей колонии. Большинство относилось к ней с доброжелательным любопытством, а со многими она легко подружилась, как может подружиться только десятилетний ребенок.

Очень быстро, решив все вопросы, мамашка забрала Лолу домой. Вскоре нашла ей хорошую школу, где она отучилась легко и весело по ярким красочным книгам, где задачи и упражнения в основном заменяли тесты, на которые она с легкостью отвечала, удивляя и радуя хорошей успеваемостью маму и учителей. Университет она выбрала в Риме. Милан был намного ближе, но ей уже хотелось попробовать самостоятельной жизни, да и изучать историю (она остановилась на историческом факультете) в Вечном городе ей казалось символичным. Поступила она сразу же, но прекрасно знала, что это ничего не значит, так как проходная система сильно отличалась от российской. Вступительные экзамены – нечто среднее между экзаменом и собеседованием – сдавали почти все желающие, но закончить и получить диплом удавалось единицам, к которым с гордостью через пять лет упорной учебы присоединилась и Лола.

Вставив в красивую рамку тесненный золотом листок, где от имени Итальянской Республики ее провозглашали дипломированным специалистом, она поняла, что работу найти ей будет очень сложно. Подвизавшись за небольшую плату на телевидении изображать зрителей на нескольких передачах, а иногда и отвечать на вопросы ведущих, она одновременно поступила на журналистские курсы. Пытаясь вникнуть в тайны подготовки и проведения программ уже изнутри, она буквально впитывала и запоминала все, что было возможно, а выступая в качестве зрителя, не стеснялась отпускать реплики, иногда встречая в разговорах экспертов и гостей, чем доводила режиссеров до обморочного состояния, так как практически все передачи шли в прямом эфире.

Ей было необходимо, чтобы ее заметили! На итальянском она говорила отлично, с юмором у нее тоже было все в порядке, и, как правило, все ее реплики звучали метко и бывали к месту. Вскоре ей удалось «урвать» монолог, в котором она на хорошем литературном языке поведала несколько озадаченному эксперту по России о сути нашей перестройки и о тайне «загадочной русской души». Выступление вызвало шквал отзывов и вопросов на сайте канала – так поразительно не соответствовала внешность этой несерьезной, совсем молоденькой девушки значимости и яркости высказанных мыслей. Удача прищурила изумрудный глаз!

«Такая смазливая девушка и такой четкий политико-административный язык, это что, подсадка?»

«Она уделала этого горе-эксперта, он смотрелся как младенец! Молодец!»

«А что, в России действительно недолюбливали Горбачева? И откуда она взяла примеры?»

«Хотелось бы увидеть еще раз девушку, которая спорила с представителем, кажется, «Правой партии», очень неординарное мнение высказала».

Комментарии сыпались один за другим, и режиссер программы удовлетворенно потирал руки:

– Откуда она взялась такая? Разузнайте про нее все!

Конечно, заключая договор с каналом, она заполняла анкету. В ней было указано, что она русская и окончила факультет истории Римского университета, но массовка в зрительном зале была никому не нужна. Анкету предлагали для проформы и никогда не читали.

Лолу запомнил зритель, и это было так важно, что ее тут же пересадили в центр первого ряда и уже не отпускали на другие передачи, чтобы «не мелькала лицом». А когда она показала не только удивительную осведомленность и оригинальность мышления, но и умение быть естественной и искренней перед камерами, что с большим трудом давалось итальянским телеведущим, которые ни на минуту не могли забыть о своей неотразимости, ей поручили взять маленькое интервью у одного из пострадавших с лайнера, который потерпел аварию рядом с островом Джилио, – этот случай прогремел по всему миру. За этим последовало еще одно задание и еще одно удачное интервью, а когда руководство узнало, что она заканчивает журналистские курсы, предложило ей постоянную работу на пятом канале.

Да, пока она была «на подначках», но у кого! У одного из известнейших тележурналистов Италии – Марио Коломбо.

Закусив удила, она рванула вперед, как огненная лошадь, отдаваясь работе, выбивая искры копытами и сметая всех и все на своем пути. Три года понадобилось Лоле, чтобы получить авторскую программу на пятом канале, три сумасшедших, бессонных и незабываемых года! Она уже не помнила, почему она решила остановиться на криминальной тематике, но возможность вести расследование в прямом эфире приводила ее в восторг своей непредсказуемостью. Подготовив заявку на «Их кто-нибудь видел?», она долго не относилась к ее рассмотрению, раздумывая о последствиях: отказ представлялся ей полным крушением карьеры. Но однажды решившись на рискованный шаг, Лола уже не теряла уверенности в своей удаче, которая опять наградила ее радужной улыбкой.

– Вы знаете, совсем неплохо, – сказал ей директор канала, который ходил в друзьях у Берлускони и обожал рассказывать анекдоты – слушать их и смеяться входило в обязанность всех подчиненных. – Только ведь у нас, да и на других каналах, есть уже похожие передачи.

Лола сверкнула глазами и ринулась к столу директора, как на амбразуру, уже открыв рот, чтобы ответить, но он опередил ее.

– Спокойно, спокойно! – Он даже выставил руку вперед, чтобы ее остановить. – Мы решили дать вам шанс, так как некоторые аспекты вашего предложения все-таки принципиально отличаются от того, что мы уже имеем. Мы дадим вам шанс. Подготовьте пока одну программу, о пропавших на затонувшем лайнере «Конкордия», а там видно будет.

Тема была провальная. Эту новость уже две недели трепали телеканалы, новые детали приходилось высасывать из пальца. Но Лола не моргнув глазом взялась за работу, прекрасно понимая, что это один из тех случаев, про которые мама говорит: «Или пан, или пропал!»

И ей снова повезло! Она вышла на танцовщицу, которая работала на «Конкордии», но еще не засветилась ни на одной передаче. Пересмотрев и перечитав весь материал по этой катастрофе, Лола буквально раскопала историю девушки, которая, когда произошла авария, находилась на капитанском мостике. Лола не поверила своим глазам и еще раз открыла схему местонахождения командного состава в момент столкновения с подводным рифом – нет, все правильно! «Матильда Кавалини» – вот ее имя и фамилия без указания должности. Что она делала в капитанской рубке и почему о ней никто не вспомнил?!

Отыскав эту женщину и поговорив с ней, Лола поняла, что удача не просто одарила ее улыбкой, а взяла под свою опеку. Матильда Кавалини, как оказалось, была любовницей капитана. Она согласилась прийти на телевидение ради того, чтобы защитить капитана, рассказав свою версию катастрофы, когда поняла, что ему грозит пожизненное тюремное заключение. Лола нашла ее ровно в тот момент, когда она уже созрела для участия в программе, и, как спелая груша, готова была упасть в корзину Лолиной передачи, чтобы помочь своему любовнику.

– Он не преступник, он герой! – выкрикивала она, приводя в шок всех переживших эту трагедию. – Если бы не он, жертв было бы еще больше!

Наверное, никому во всей Италии не хватило бы смелости объявить капитана, бросившего свой корабль, героем, но тем сильнее ошеломил одинокий голос Матильды души итальянских зрителей, заставив их призадуматься.

Даже сама Лола не ожидала такого количества просмотров, какое набрала ее программа. Конкурирующие передачи, о которых так беспокоился директор канала, лежали в жестком нокауте. И ей подписали заявку. Лола, телеведущая и руководитель собственной передачи «Их кто-нибудь видел?»!!!

Она стерла слишком яркий сценический «раскрас», подправила глаза, нанесла немного блеска на губы и припудрилась, чтобы, как говорит мама, не выглядеть, как «Манькин блин».

Столько лет в Италии, а все эти словечки и поговорки, как говорится, не вырубишь и топором. Да и нужно ли? Русского человека видишь издалека, даже сейчас, когда научились и вести себя за границей, и одеваться по-европейски. Лола все равно мгновенно, в любых обстоятельствах узнавала своих соотечественников.

После напряжения прямого эфира усталость растеклась по всему телу, но, несмотря на это, она решила принять душ дома. Только бы доехать без пробок, подумала она, нажимая педаль газа.

Уже дома Лола еще раз взглянула на фотографию Беа: что-то задело ее в лице этой девочки-подростка. Не зря режиссер назвал ее Лолитой, что-то недоступно-порочное было в этом взгляде.

Ну что же, через неделю выходит следующий выпуск «Их кто-нибудь видел?», и одной из тем будет исчезновение Беатричи. И даже если она к этому времени найдется, придется вернуться к этому эпизоду и рассказать, как и почему это произошло. Так что Лолу ждет поездка в Аверану – маленький городок в районе Пульи.

Глава 2

Четыре дня назад

Солнечный день. Такое слепящее солнце бывает только на юге Италии и только в приморских городках, где оно как будто отражается от белых стен домиков и маленьких вилл, покрытых вьюном и фиолетовыми цветами.

Беа потянулась и открыла глаза. Она даже не поняла, как успела заснуть тут же, за письменным столом.

Вот уже год, как Беатрича вела дневник. Это был небольшой розовый блокнот – внутри маленькие рассказы из ее жизни, на полях рисунки «по настроению». Иногда она выплескивала на бумагу бурю эмоций, накопившихся за день, а иногда, как сегодня, ее охватывала непонятная ноющая грусть. Она вспоминала поездку в Рим – походы по магазинам и просто прогулки; улочки, мощенные камнем, а не асфальтом, и нагревающиеся к вечеру так, что тепло чувствовалось даже через шлепанцы; вкуснящее фисташковое мороженое, которое они покупали в маленьком баре напротив, когда солнце садилось прямо за черепичные крыши домов, и каменный Рим начинал тихо плавиться; их уличные знакомства и разговоры с Сабриной об Ивано; новое, непривычное чувство вседозволенности...

Беа часто мечтала, и со временем мечты и фантазии в ее голове начали складываться в сюжеты, которые мешались с настоящим и будущим. Она мечтала уехать из своего приморского городка, где все знали друг друга, и жизнь, прокручивая одно и то же, топталась на месте. Она воображала огромный лайнер, где работала иногда официанткой, а иногда танцовщицей, и в мечтах кружилась на сверкающей сцене, и туристы, особенно мужчины, смотрели на нее во все глаза. Эти мысли захватили ее после того, как недалеко от острова Джильо затонул, а точнее, лег на бок огромный туристический лайнер. Репортажи об этом каждый день показывали по телевизору: интервью капитана, который пытался оправдаться и объяснял, почему не остался на корабле до последнего, и красавицы балерины, которая, как оказалось, была его любовницей и старалась выставить его героем, а не трусом, но главное – всю эту красоту: шикарные залы и рестораны, бассейны и бары, которые все оказались под водой и от этого на видео выглядели еще прекраснее и удивительнее.

Правда, после поездки в Рим ее сны приняли несколько другой оттенок, и этому великолепному городу почти удалось вытеснить из ее головки остальные грезы.

– Мама, я пойду! – крикнула она из своей комнаты, но никто не отозвался. Отлично, значит, можно не обедать, перекусим что-нибудь с Сабриной и Симоной на пляже, подумала Беа и, положив полотенце и купальник в салатовую сумку, потихоньку вышла в коридор.

– Беа, а поесть перед уходом? – тут же послышался мамин голос.

Нет, ну это невозможно, ну откуда она взялась?

Мама вообще имела привычку появляться бесшумно и всегда «вовремя».

– Давай на кухню, ну хотя бы бутерброд!

Они любили укорачивать слова, и иногда получалось очень смешно. Это как будто была их игра, которую не каждый мог понять.

Беа вошла на кухню, где ее уже ждала булка с хрустящей корочкой, которую она так любила, и вложенным внутрь прошутто с моцареллой и зеленым листом салата. Доедая бутерброд, она подумала, что хорошо бы взять еще и ту прикольную соломенную шляпку, а то вдруг подъедет Ивано. Что-то они сегодня ну в самую жару решили погнать на пляж, но утром Сабрина работала, а одной ну что там делать, да и когда доезжаешь на тачке, это совсем другое дело, с кондиционером и музыкой.

Беа хотелось бы самой рассекать по Аверане на маленькой розовой машинке. Да, да, именно перламутрово-розовой, недавно появились такие необыкновенные цвета у автомобилей! Мама обещала подарить ей такой на совершеннолетие, но еще столько ждать!

– Как выгляжу, норм? – Выскочив из-за стола, она завертелась перед Анной.

– Огонь! – в тон ей ответила та.

Ну и жара на улице! Бросила эсэмэс Сабрине о том, что она выходит. Телефончик клевый, со стразами, и пальчики отстучали быстро-быстро. До фига мессенджеров сейчас, можно писать, не задумываясь, только за Интернет платить.

Стараясь держаться в тени, она прошла через центральную площадь с фонтаном, какие есть, наверное, в каждом городке на юге Италии. Было сонно и тихо, слышалось только журчание воды и треск цикад. Вот она уже в переулке, где живет Сабрина – все те же белые виллеты с черепичной крышей, – и когда поворачивала за угол, в последний раз мелькнули белые шортики на узких бедрах, загорелые ноги и майка цвета виолы.

Глава 3

Короче, план такой, думала Лола, ведя машину вдоль моря: для начала осмотреться и почувствовать общий настрой всего городка. Обычно в таких местах его можно быстро определить. Город маленький и тихий, затерявшийся среди сотен таких же на побережье, и каждая новость, хорошая или плохая, дает повод для пересудов на долгое время.

Сначала лучше расспросить соседей, а потом переходить к действующим лицам – матери пропавшей девочки Анне, затем членам семьи Морези: Сабрине, двоюродной сестре Беатричи, с которой они должны были поехать на море, ее матери Козиме и отце Маурицио, домой к которым должна была зайти, но так и не зашла, Беа и где, как выяснилось, она проводила большую часть свободного времени.

Фото Беатричи, показанное по телевизору, как ни странно, всколыхнуло большой интерес по всей Италии. Посыпались звонки и письма на электронную почту, но все это были либо бессвязные предположения, либо дополнительные вопросы от любопытных, так что здесь ловить нечего, заключила Лола.

В принципе план намечен – она мысленно подвела черту своим размышлениям.

Машина двигалась плавно и только иногда подскакивала там, где корни высоких елей разрезали асфальт и пытались вылезти наружу. Такие ели с распластанными зеленым облаком верхушками и голыми стволами она еще ребенком видела и в Испании.

Куда только не таскала ее мамашка! В семь лет ей сделали свой паспорт.

Изумлению деда не было предела.

– Ребенок, да чтобы свой паспорт! – восклицал он, вертя в руках документ и разглядывая черно-белую фотографию маленькой Оли на первой странице, как будто пораженный такой вольностью ОВИРа.

– Эх, я бы сейчас тоже за границу съездил. Посмотрел бы, что там и как...

На другой день мама принесла ему анкету, и на графе «имели ли вы допуск к секретным материалам» оформление паспорта и закончилось. Дед всю жизнь проработал на военных заводах и имел, как выяснилось, предпоследний уровень секретности, что на десять лет лишило его возможности выезжать из страны. Тогда Лола запомнила его обиженным и сникшим, а маму как будто виноватой. После этого случая они зависли в России почти на год.

Перестройка застала деда на пенсии, и, возможно, поэтому он принял ее сразу же. Не отрекаясь от своей прошлой жизни, жалел, что не молод и не успеет увидеть, как изменится страна. С энтузиазмом смотрел по телевизору «шоу» под названием «Час пик» и программу «Шестьсот секунд». Умер внезапно, успев привить Лоле любовь к чтению и стремление всегда добиваться своего.

Бабушку она помнила очень смутно – ее не стало, когда Лоле было всего четыре года, отца она вообще не знала, хотя он здравствовал, и, наверное, неплохо. Мама выгнала его, когда была беременна, видимо, так и не простив ему измены и вычеркнув из своей жизни. С тех пор отца Лоле заменил дед. Потом было еще два маминых брака, и оба не совсем удачные. «Не совсем», потому что развелась она с обоими мужьями цивилизованно, и оба остались ее друзьями.

К счастью, маме удалось быстро сориентироваться в обстановке, создавшейся в нашей стране в 90-е годы. Зная иностранные языки, она начала работать переводчиком – иностранцы пошли валом в открывшую свои двери Россию, – а потом сама создала совместное предприятие с итальянцами, и ее впоследствии пригласили на работу на головной завод в Брешию.

Получив разрешение на проживание в Италии для себя и для Лолы, мама всю стала использовать открывшуюся возможность – безвизовое посещение стран Евросоюза. Как только появлялись свободные от работы дни, они тут же уезжали в какое-нибудь новое место. Навер-

ное, именно эти поездки, иногда совершенно непредсказуемые, развили в Лоле наблюдательность и любопытство буквально ко всему, что теперь так помогало ей в работе.

Они долго жили, что называется, на два дома – в Италии и в России, но с каждым годом России становилось все меньше, а сейчас взрослая Лола выбиралась туда совсем редко. И все же Россия не отпускала ее. Лола нутром чувствовала все русское, и ее «совковые» замашки расцветали буйным цветом, когда она общалась со своими московскими друзьями, невольно сравнивая привычки, архитектуру и даже природу этих двух стран.

«Через двадцать метров поверните налево», – противным голосом сказал навигатор. Жалко было уезжать от моря. Слева последний раз блеснула бирюзовая полоска воды и белый песчаный пляж. Сворачивая к гостинице, она подумала, что надо бы проверить электронную почту и еще раз просмотреть все, что уже нарыли до нее помощники о самой Беатриче, о ее матери и двоюродной сестре, которая, по ее сведениям, была шустрой девочкой и рвалась появиться на телевидении.

Гостиница была маленькая, семейная, обросшая вьюном с крупными ярко-красными цветами. Хозяева жили здесь же на первом этаже с отдельным входом с противоположной стороны дома и тут же вышли на звук колокольчика в прохладный холл.

Она была не первой журналисткой, которая приехала в Аверану. Конкурирующая программа «Поиск» уже прислала своего представителя, и, если расследованием заинтересуются и другие СМИ, городок превратится в маленький телевизионный центр.

В глазах хозяев читалось неподдельное любопытство, и то, что они оба вышли за стойку, прервав обед, который, как видела Лола через неприкрытую дверь, остался недоеденным на столе, говорило о том, что Аверану здорово всколыхнуло исчезновение девочки.

Получив ключи, она тут же поднялась в номер. Ну что ж, очень прилично: чистенькая симпатичная комната с окном на площадь.

– Итак, что мы имеем? – Журналистка открыла компьютер и стала просматривать информацию, присланную Даной. Ее оказалось гораздо больше, чем она предполагала, и представляла собой ворох разрозненных сведений, собранных в хронологическом порядке:

«Беа ушла из дома к двоюродной сестре Сабрине 20 августа в 13.40. С Сабриной и подругой Симоной они собирались на море. До дома Сабри – десять минут. У Сабри Беа не появилась. Симона опаздывала на полчаса, отправила эсмэс, чтобы предупредить. Когда приехала, Сабри сообщила, что Беатрича пропала и на звонки не отвечает. Была сильно взволнована. С тех пор Беатричу никто не видел».

Странно, что относительно небольшое опоздание Беатричи вызвало такую быструю реакцию у ее двоюродной сестры. Хотя, если они четко договорились о встрече, а Беа так и не ответила на звонки... Короче, получается, что какие-то 25–30 минут, и человек просто исчез, как будто и не было. Удивительно! Прошло несколько дней, а ее так никто и не видел.

Кражи детей и даже взрослых с целью выкупа были часты в Италии в 50–60-х годах, но сегодня... Хотя да... ведь недавно был случай, который как раз освещала конкурирующая программа. Лола прекрасно помнила эти эфиры: они проворонили сообщение, которое поступило от матери потерпевшего, и вынуждены были подбирать крохи информации за первым каналом. А взяли в заложники тогда взрослого мужчину, предпринимателя. Бандиты ворвались на виллу, забрали деньги и драгоценности, мать привязали к стулу, сына скрутили и увезли с собой, пригрозив, что если она вызовет полицию, сына убьют. Видимо, зная, что остальные деньги находятся в банке, они тут же потребовали выкуп. Конечно, им удалось выиграть время и скрыться, так как мать смогла сообщить в полицию только на следующий день. Нашли мужчину через неделю запертого в заброшенном сарае, в горах, слава богу, живого. Скорее всего бандиты в последний момент испугались и так и не стали добиваться денег. Вот тебе и 60-е годы! Но в случае с Беа никаких требований пока не поступало.

Ладно, посмотрим местную прессу. Лола открыла сайт с новостями региона:

«Мать Беа, Анна, никогда не была замужем, кто отец девочки – неизвестно, и в городке даже, как ни странно, не ходит никаких слухов на этот счет. Живут они в маленькой вилле, доставшейся Анне в наследство от родителей».

Как это возможно, что в таком маленьком городке, как Аверана, никто ничего не знает об отце девочки! Так, что тут еще интересного?

«Беа проводила много времени в семье своей двоюродной сестры Сабрины... недавно Беа и Сабрина ездили на каникулы в Рим к своим родственникам... ходят слухи, что Беа вела себя там не совсем так, как положено четырнадцатилетней девочке».

Не совсем понятно, что это значит: «не так, как положено». Ну да ладно, разберемся, надо только переговорить с соседями и знакомыми, подумала Лола.

А вот еще любопытная информация: «Анну (мать Беа) в четыре года удочерили родители Козимы». То есть Козима и Анна – не родные сестры.

Получается, они оставили дом в наследство Анне, а не родной дочери? Странно. Это надо уточнить, пусть Дана займется этим вопросом, отметила про себя Лола, уже набирая электронный адрес своей помощницы.

Так, что еще?

«Козима и Маурицио, тетя и дядя Беа, работали в Германии. Им удалось отложить деньги на строительство виллеты, в которой они живут теперь. Семье принадлежит небольшая оливковая роща. Кроме того, Маурицио выполняет на своем тракторе полевые работы по найму».

На первый взгляд кажется, что все эти данные не имеют ничего общего с исчезновением девочки, но журналистка по опыту знала, что, если только Беа не сбежала к своим друзьям и не появится на днях, эта информация может сыграть не последнюю роль в поисках. Чутью Даны тоже можно было доверять, она всегда видела на десять шагов вперед, в этом Лола могла убедиться по предыдущим расследованиям. Да, да, именно расследованиям!

Журналисты здесь могли позволить себе очень многое, особенно те, кто работал, как она, с криминальной хроникой. У них даже имелись «осведомители». У Даны, например, в полиции были свои люди. Да что говорить, сами стражи порядка нередко обращались к ним за помощью, но, конечно, негласно.

Почти вся работа проходила в прямом эфире, и это тоже было здорово и даже пьянило, потому что никогда нельзя было предугадать, как будут развиваться события, да еще на такой программе, как «Их кто-нибудь видел?». Конечно, чувство легкости пришло не сразу, но, добившись права вести передачу по своему усмотрению, не оглядываясь на вкусы и политические пристрастия начальства, Лола смогла ухватить свой собственный необычный стиль, который пришелся по вкусу зрителям.

«Непрепарированной реальностью» называл прямые эфиры директор канала. «Вовлекайте зрителя в непредсказуемость!» – требовал он на утренних брифингах. И правда, сознание того, что ты ничего не сможешь изменить и поправить, подстегивало, а нежелание приносить потом извинения за непроверенные факты заставляло избирательно относиться к информации, добытой с таким трудом. Лола настолько привыкла вести программу в реальном времени, что не представляла себя без ощущения неповторимости и возбуждающей сиюминутности, которое охватывало ее во время прямой трансляции.

Журналистка спустилась в прохладный ресторан и заказала большой салат с тунцом и стакан не сильно газированной воды. Похрустывая свежими листьями салата, она смотрела в окно и думала о девушке-подростке. Полиция уже взялась за дело, хотя первыми начали поиски ее двоюродная сестра Сабрина и их общая подруга Симона, которые, не дождавшись Беа, рванули разыскивать ее на пляже, а потом и по всему городу. Лола взглянула на часы – в это самое время неделю назад Беа вышла из дома и не вернулась. Ну что же, пройдемся той же дорогой.

Выйдя на улицу в полуденный жар приморского городка, Лола пошла к площади, откуда доносилось тихое журчание фонтана, и взяла курс на дом Сабрины. На улице не было ни души, только стрекот цикад и звук льющейся где-то воды отдавались в ушах. Бары и ресторан на площади были открыты (стоял конец августа, но сезон был в самом разгаре), за столиками – никого, только скатерти подрагивали на слабом ветерке. Аверана не стоит прямо на море, и тут не бывает такого наплыва туристов, как в других городках побережья. Приезжают, как правило, только те, кто жил здесь раньше и оставил в поселке семью или родственников. Тем более странно, что девочка пропала просто в «никуда», ведь чужих здесь практически нет.

Лола пересекла площадь, стараясь держаться в тени, обошла фонтан и свернула в переулок. Все было очень близко, ровно так, как она себе и представляла – готовясь к поездке в Аверану, она проследила путь Беа по Google maps.

Наверное, Беа тоже старалась избегать солнца, печально подумала Лола. Сразу стало грустно, и откуда-то появилось чувство, что за ней наблюдают. Подходя к дому Сабрины, она оглянулась и увидела, как захлопнулась калитка напротив и кто-то шмыгнул в глубину сада. Кольнуло неприятное чувство страха, она посмотрела вдоль улицы – никого, только разноцветные калитки, зеленые заборы из стриженных кустов и белые камни мостовой тают на горячем солнце.

Вот и дом Сабрины, такой же, как и все остальные, – светлый, с черепичной крышей, большим гаражом и зеленью вокруг. Оператор, наверное, уже подъехал, так что можно будет начать сразу. Уже открывая калитку, она услышала оглушительную музыку и увидела спортивную «Альфу Ромео» с открытым верхом. Машина остановилась, взвизгнув тормозами, как раз около ворот сада, откуда, как ей показалось, кто-то за ней следил. Из нее вышел высокий мужчина в ослепительно-белой рубашке и с толстенной цепочкой на шее, которую она разглядела даже с противоположной стороны улицы.

Лола терпеть не могла таких типов. Мужик под сорок, а все не наигрался, во время сиесты врубил музыку так, что уши закладывает, да еще эта цепочка с палец толщиной. Она видела таких насквозь и могла все про них рассказать, что называется, с закрытыми глазами. Как правило, они водились именно в небольших поселках – кто же на тебя обратит внимание в большом городе, как бы ты ни визжал тормозами и ни громыхал музыкой, – и были грозой местных девушек и головной болью полиции.

Мать Беа, ее тетя Козима и Сабрина – все были на месте. Долговязый Стефано, оператор и помощник Лолы, против обыкновения тоже явился вовремя, так что писать стали сразу же. К сожалению, ничего нового Лоле узнать не удалось, получилось даже скучновато.

Сабрина, вытаращив глаза на камеру, повторила с важным видом все то, что уже было известно.

– Я с Беа и Симоной – у нее машина, она нас всегда подвозит, договорилась на море поехать, – начала она неестественным голосом, задрав подбородок, под которым уже намечалась складка, и старательно выговаривая слова, как будто готовилась к интервью заранее. – Беа прислала мне сообщение, сказала, что выходит из дома. Я спустилась на улицу, но она все не появлялась. А когда подвалила Симона, мы обе стали называть Беатриче, но телефон был уже вне зоны действия. – Закончив, Сабрина жеманно улыбнулась и поправила волосы. Под мышкой мелькнуло влажное пятно.

«Так, ну и что, куда могла подеваться девочка?» – крутилось в голове у Лолы. Мать выглядела обеспокоенной, родственники тоже, но никаких четких предположений никто не высказывал. Единственное, о чем не рассказала Сабрина, когда звонила на телевидение, – сообщение от Беа, после которого девочка просто сгинула, пропала, что называется, белым днем.

– А вы когда видели дочку в последний раз? – решила уточнить Лола у Анны.

– Вот тогда же и видела, перед уходом, в дверях с пляжной сумкой. Она собиралась убежать, не поев, да я ее заставила бутерброд съесть. Бутерброд, – поправила себя Анна и тихо вздохнула.

– Да-а-а, – протянул Стефано, не забывая про камеру, – мистика какая-то! Была девочка, пятнадцать минут – и хоп! – нету девочки!

– Ну что ты лепишь! – прошипела Лола, толкая его в бок и косясь на Анну. – Может, она в Рим с друзьями уехала.

Анна, казалось, не расслышала последних слов Стефано и продолжала сидеть, погружившись в свои мысли. В заключение Лола еще раз попросила всех, кто видел Беатричу или просто заметил что-то подозрительное, сообщить об этом на канал или в правоохранительные органы, а Анна добавила, что на другой день полиция собирается прочесывать окрестности, и желающие помочь могут присоединиться к поискам.

Пожалуй, чтобы получить законченную картину и, возможно, оживить репортаж, надо взять пару интервью у соседей и поговорить с Симоной. Маурицио, как выяснилось, в это время суток обычно спал и проснулся только, когда его разбудила Козима, сообщив, что Беа не дошла до их дома. Вряд ли он сможет сообщить что-то интересное, прикидывала Лола, еще раз оглядывая простенькую гостиную.

Стефано начал убирать аппаратуру, а Лола попыталась уже без камер получить еще какую-то информацию.

– Сабрина, а ты часто ходила куда-нибудь с Беа? – обратилась она к девушке, которая все еще не могла успокоиться после интервью, часто дышала и нелепо вертелась, как будто все еще выбирала удачный ракурс.

– Да вообще все время! Она младше меня почти на семь лет, но компашка у нас общая, или, точнее, моя. – Она опять пригладила челку. – Я с детства таскала ее за собой. Сначала мне нравилось играть в маму, а когда она подросла, оказалось, что, несмотря на разницу в возрасте, у нас общий космос.

– Что?! – не поняла журналистка.

– Космос, – простодушно повторила Сабри.

– Общие интересы, – перевел Стефано.

– Ну да, – подтвердила девушка.

– А в Рим как вы съездили?

– Да неплохо, только Беа там как-то изменилась, стала какая-то странная, губы накрашит на пол-лица, все время на стиле и лучок, как у взрослой. А главное, была готова гусить с любым, кто к ней клеился. А потом, в Аверане ее все знают и все к ней привыкли, а в Риме... – Сабрина замолкла на полуслове, как будто брякнула лишнего, и покосилась на диван, где сидела Анна. Говорила она все так же быстро, задыхаясь, будто только что пробежала стометровку, крутила головой, дотрагиваясь до волос, присматриваясь к себе со стороны и воображая, как она будет выглядеть на экране телевизора.

Но как бы ты головушку ни повернула и как бы глазки ни закатывала, тебе уже ничего не поможет, подумала Лола, наблюдая за суетливыми движениями девушки.

Действительно, Сабрина была полновата, а точнее, как говорили в Аверане, «ширококостна», но здесь, в самом низу итальянского сапога, это никогда не считалось чем-то отталкивающим. Глаза ее, черные и довольно большие, обрамлялись короткими, как будто выщипанными ресницами, волосы, блестящие и прямые, были нелепо собраны в хвостики, как у маленькой. К тому же у нее не было ни намека на талию, а иксообразные ноги делали походку пингвиньей. Сабри родилась и выросла на самом юге Италии, где существовали несколько другие понятия о красоте, и считались привлекательными крепко сбитые женщины, но и сюда уже начинали проникать другие стандарты – стройная девушка с длинными ногами и большой гру-

дью. Ровесники Сабрины не видели в ней достойного объекта ухаживания, а мужчин постарше отталкивали ее неестественные смешки и отчаянное стремление казаться взрослой.

Узнав, что Сабри учится на эстетиста-косметолога, Лола удивилась еще больше, настолько внешность девушки не соответствовала выбранной профессии. Лола представила себя у двери косметического кабинета, из которого появляется нескладная Сабрина с расплывшимися пятнами под мышками и двумя жалкими хвостиками и приглашает ее пройти на процедуру. Ну уж нет, к такому специалисту вряд ли кого заманишь. Но, может, у нее зато руки золотые, рассудила про себя Лола.

Поболтав еще немного с Анной и Козимой на кухне, куда ее пригласили выпить кофе, Лола решила, что пора идти. Ей хотелось как-то систематизировать свои мысли и возникшие вопросы по свежему впечатлению. Договорившись со Стефано, что через час они встречаются на площади, она вышла на улицу.

У полиции пока нет подозреваемых, и сохраняется надежда, что Беа просто сбежала из дома. Но из того, что увидела Лола, было ясно, что у девочки с матерью были хорошие доверительные отношения. В семье Козимы, где она проводила много свободного времени, ее тоже любили, а Сабрина была не только ее двоюродной сестрой, но и близкой подругой. И еще, что бросилось в глаза Лоле: Анна и Козима были такие разные! Конечно, она помнила, что Анну удочерили, но очень часто совместное воспитание и общий стиль жизни как бы подравнивают людей, а этого в данном случае не произошло. Анна была из тех редких женщин, которые выглядят свежо и подтянуто, почти не прилагая к этому усилий, и это небрежное отношение к своей внешности как будто добавляло ей особого шарма. Копна ее рыжеватых волос и чистое лицо, почти без косметики, запоминались надолго. Козима же, которая была всего на несколько лет старше ее, могла сойти за ее тетю. Расплывчатая, широкая фигура, волосы с проседью и сильно подведенные глаза добавляли ей как минимум еще десять лет. По тону, которым она отдавала распоряжения домашним, было понятно, что именно она являлась главой семьи и привыкла единолично принимать все решения.

За кадром пока оставался Маурицио, ее муж и отец Сабри, который работал в поле и занимал в семье далеко не главное место. Лола заметила, что на кухне в углу разложено кресло, аккуратно покрытое пледом, а рядом стоят мужские шлепанцы – Маурицио явно проводил ночи именно здесь, а не в спальне с женой. Да, видимо, в этой семье главенствовали женщины.

Площадь начала оживать, несколько столиков уже были заняты, и, присев за крайний, Лола опять увидела «Альфа Ромео» и ее хозяина, направлявшегося в сторону бара.

Итак, надо взять пару интервью с соседями и можно возвращаться в Рим. Лола потягивала легкий коктейль и поглядывала по сторонам. Мужчину с «Альфа Ромео» за соседним столом встретили радостными возгласами, после чего вся компания повернулась в ее сторону. Ей ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ – а вдруг кто и пригодится в дальнейшем, все же здешние, может, и разболтают что-нибудь любопытное.

– Ciao, bella! Ты из Рима?

«Чао, белла» означало «привет, красавица». Лолу до сих пор не переставали заставлять врасплох эти слова. На минуту они делали ее неотразимой в собственных глазах, несмотря на то что это было обычное приветствие, с которым обращались ко всем молодым и мало-мальски привлекательным девушкам.

Скорее бы подошел Стефано, подумала она, продолжая улыбаться, но после ответного приветствия все же спросила:

– Вы же все местные, слышали про Беа?

– Ну да, испарилась белым днем, – ответил кто-то.

– Думаю, просто сбежала в Рим, – перебил его другой голос.

– Говорят, она там здорово покуролесила, – заключил третий, весело поглядывая на Лолу.

– Ну уж прямо и покуролесила, ведь ей же вроде только пятнадцать должно исполниться? – уточнила Лола.

– Правда? А выглядит на все восемнадцать, особенно в последнее время, когда стала так сильно краситься, – подхватила девушка с другого столика.

– Да ее Сабрина и раньше разрисовывала, только это было в шутку, – не согласилась ее подруга и потрясла стакан с вишенками и льдом на доньшке.

Народ разговорился. Прислушиваясь, Лола наблюдала, как мужик с «Альфа Ромео» начал продвигаться в ее сторону, но проделывал это как-то неуверенно. Ей это показалось странным, так как обычно такие типы уже через секунду оказывались на нужном им месте и, уверенные в своей неотразимости, начинали отвешивать тяжеловесные комплименты.

Увлеченная передвижениями местного мачо, Лола не заметила, как появился Стефано.

– Вот ни на минуту нельзя оставить, уже в окружении мужчин! – произнес он весело, подходя к ней. Компания притихла.

Когда они были на выезде, то, не договариваясь, играли в такую игру, – оператор делал вид, что они больше, чем друзья, и это, в некоторых ситуациях, ограждало Лолу от назойливых ухаживаний, на которые были здоровы итальянские мужчины. Да и ей иногда приходилось спасать его от южных девушек, для которых человек с телевидения был как с другой планеты. Она хорошо знала его невесту и можно было бы сказать, что они дружили семьями, если бы у Лолы был муж или жених.

– Пойдем или что-нибудь выпьешь? – на всякий случай осведомилась журналистка, надеясь, что он не будет тратить время на выпивку, так как сегодня же вечером собирался слинять обратно в Рим.

– А перекусить? – загундосил Стефано. – Ты совсем о подчиненных не думаешь!

– Только быстро! – вынужденно согласилась Лола, зная, что на пустой желудок тот не сдвинется с места.

Народ уже начал возвращаться с полей, кто-то после сиесты потянулся на улицу, кто-то в бар выпить кофе.

Стефано принесли кусок толстой шкворчащей пиццы и аперитив, к которому прилагалось несколько блюдец с блестящими оливками, орешками и чипсами. Он впился зубами в тесто, аппетитно хрустнув.

– Видишь, какую высокую здесь делают пиццу, молодцы! – похвалил он выпечку.

– Пора на удобную позицию выходить, рядом с домом Беа, – забеспокоилась Лола, но оператор уже расправился с едой.

Влив в себя последнюю каплю оранжевой жидкости, он покрутил лед в бокале, посмотрел зачем-то на свет, заглотив один кубик и бросил в рот несколько оливок.

– Все, идем? – Лола поднялась из-за стола. Местный мачо не спускал с нее глаз, и она нежно поправила воротник на рубашке Стефано, медленно проведя рукой по его плечу.

Оператору не надо было ничего объяснять. Расплатившись по счету, он под общим взглядом компании обнял журналистку за талию, не забыв при этом высыпать себе в карман орешки с блюдечка.

– Стыдобища, – прошипела Лола.

– Ты о чем? – недоуменно поинтересовался он, жуя очередной орех.

Одной из первых в Лолином списке значилась Джулиана, женщина, которая помогала Анне по хозяйству и раз или два в неделю приходила к ним в дом, чтобы убрать небольшую виллу, которая досталась той от приемных родителей.

Они подошли очень удачно, Джулиана как раз выходила из дома.

– Добрый день, меня зовут Лола, и наша программа хочет помочь матери Беа в розыске ее дочери. Вы хорошо знали их семью? – без проволочек спросила Лола.

Черные волосы Джулии поблескивали на солнце, глаза с недоверием смотрели на Лолу.

– В общем, да, но после приезда из Рима я видела Беа всего один раз, – не удивляясь вниманию СМИ к своей персоне, начала Джулиана. – Хорошая ласковая девочка. Я бы сказала – солнечная.

Она закрыла за собой калитку и попыталась прошмыгнуть между Лолой и Стефано.

– А у нее были еще подруги, кроме Сабрины? – Лола поднесла микрофон поближе.

– Ну конечно, ее ровесницы. Правда, с Сабриной она проводила почти все время. – Джулиана нервно переложил сумку с одного плеча на другое, было заметно, что она не хочет отвечать ни на какие вопросы.

– Беа говорила когда-нибудь, что хочет уехать из Авераны? – не отставала Лола.

– Ну, какие-то планы вроде у нее были по поводу дальнейшей учебы, работы, но об этом лучше спросить у ее матери.

– Вы верите, что она могла убежать из дома?

– Трудно сказать... сейчас такая молодежь... иногда смотришь – хорошая тихая девочка, а потом и не узнать, превратилась в черт-те что. С матерью, правда, она ладила всегда.

Открыв сумку, она отвернулась от камеры и стала что-то усиленно разыскивать внутри, всем своим видом показывая, что интервью закончено.

– Ну что, снято?

– Думаю, да, проверю потом. Смотри-ка, по той стороне кто-то идет. – Стефано указал на седую женщину с короткой стрижкой, направлявшуюся в их сторону.

– Давай сначала без камеры. Ясно, что она местная, но если ничего толкового не скажет, еще одно ненужное интервью, – распорядилась журналистка.

Не успела Лола открыть рот, как женщина начала сыпать вопросами:

– Добрый вечер, ты из Рима? Ведущая с пятого канала? Что-нибудь узнала интересного? Есть новости про Беа?

Лола сразу поняла, что остановить ее будет трудно. Не получив еще ни одного ответа, женщина продолжала задавать вопросы:

– Как у вас там на телевидении, чувствуется кризис? Хотя премии в лотерее не уменьшаются. И ведь вот на днях выиграла же одна из Ломбардии полмиллиона евро. А главное, ничего не надо угадывать или знать, просто повезет – не повезет.

– Это не наш канал, – еле успела вставить Лола. – Скажите, а как вы считаете, Беа могла сбежать или ее украли, как говорила Сабрина?

Стефано включил камеру, было ясно, что женщина знает все и всех.

– Украли? Не похоже. – Она на секунду задумалась. – Ходят слухи про новых знакомых из Рима, но родственники, у которых они останавливались, ничего про этих знакомых не знают. С другой стороны, чего ее красть-то, в Рим действительно можно уехать по своему желанию. Вот как мой сын уехал, правда, на север, в Брешию, сейчас прекрасно себя чувствует – свое дело, предприниматель. Жалко только, что приезжает раз в год. Да вы его видели, наверное, на «Альфа Ромео».

Лола и Стефано переглянулись. Женщина отошла от нужной им темы, а когда разговор заходит о сыновьях, итальянских матерей уже не остановить.

– Ну да, видела. – Лола вспомнила оглушительную музыку, доносившуюся из машины, и мужчину с килограммовой цепочкой на шее. – Так это вы живете почти напротив дома Сабрины? Часто Беа к ним приходила?

– Да каждый день приходила, Козима ее второй дочкой считала.

– А Маурицио?

– А что Маурицио? Он все больше в поле да на работе, но и он хорошо относился к девочке, – не делая паузы, еще быстрее затараторила она. – Жалко, если полиция собирается прочесывать окрестности, видимо, надежды на то, что она просто сбежала, мало, а вы надолго сюда, а сами живете в Риме? – опять потянуло на вопросы женщину.

– Я, наверное, завтра с утра уеду, а живу в Риме, да, – подтвердила Лола.
Стефано отключил камеру.

Ну и правильно, ничего они от нее не добьются. Такое впечатление, что эту болтушку гораздо больше интересовала личность самой Лолы, чем все остальное. А потом, интересно, с чего это она здесь появилась? Как будто пришла специально поговорить именно с ними.

Значит, она из того дома, откуда за ней наблюдали, и мать того пижона в белой рубашке с толстенной цепочкой.

Женщина как будто не собиралась уходить и смотрела, как Стефано складывает аппаратуру

– Доброго вечера и до свидания, – попрощалась Лола

– Доброго, – ответила женщина и нехотя пошла в обратном направлении.

Точно: идет в сторону своего дома, приходила специально к нам.

«Может, все-таки уехать сегодня вечером, вместе со Стефано? И на фиг это море, съезжу в Риме, подумаешь, двадцать минут на машине. Но сегодня пятница, вечером будут такие пробки – мама не горюй! Нет, останусь, искупаюсь, да и разве сравнить здешнее кристальное море с тем, которое рядом с Римом! Выплюсь, а завтра пораньше и двинусь по холодку». Решение было принято.

Оставался еще один неохваченный свидетель – Симона, общая подруга Сабрины и Беа.

Городок совсем небольшой – какие-то сто метров направо, и они уже у нужного дома.

– Будем надеяться, что она на месте. – Стефано нажал на звонок зеленой калитки.

Слух, что журналисты ходят по улицам и берут интервью, видимо, уже облетел Аверану, и женщина в фартуке и с веником в руке, не отвечая на звонок домофона, сама вышла на крыльцо.

– Вам кого?

– Здравствуйте, мы хотели поговорить с Симоной.

– Она еще не приехала, но вот-вот должна быть, – и, подумав, добавила: – Заходите, кофе угошу.

Она оставила веник и оправила фартук.

После трех чашек в доме у Козимы им уже не хотелось никакого кофе.

– Спасибо, мы здесь подождем, – ответила Лола, но тут же спохватилась, подумав, что надо было соглашаться – возможно, удалось бы выведать что-нибудь нужное.

– Хороший здесь народ, доброжелательный, да и приезжих нет совсем. И куда могла подеваться Беатрича? – прислонившись к ограде, прервал ее размышления Стефано.

– Может, она сама сбежала? Городишко тихий, сразу видно, но скучища-то здесь какая! Из-за поворота показался «Фиат Пунто» и затормозил ровно перед ними.

– Готов?

– Готов!

Стефано включил камеру. Они с полуслова понимали друг друга и часто пользовались такой внезапной атакой на свидетелей. Этот прием, рассчитанный на эффект неожиданности, как правило, давал хорошие результаты.

– Привет! – Лола подошла к машине и немного опешила. Внутри маленького «Фиата» сидела молодая толстушка, которая одна занимала почти оба передних места и почти полностью накрывала пышной грудью руль, упиравшийся ей в живот. Было совершенно непонятно, как она умудрялась водить машину и как собиралась выбраться наружу? Лишними были, наверное, килограмм двадцать. И как же можно так распуститься, ведь ей не больше двадцати пяти!

К радости Лолы, Симона довольно ловко вышла из машины. Несмотря на вес, у нее, как говорят в народе, «было все на месте»: миловидное лицо, обрамленное черными волосами,

подстриженными в аккуратное каре, пухлые, но очень проворные руки, и, к удивлению Лолы, вполне заметная талия.

– Привет, – еще раз повторила Лола, – Пятый канал ведет расследование о пропаже Беатричи. Расскажи нам про тот день, когда вы все вместе собирались поехать на пляж.

Симона ничуть не удивилась, что Стефано и Лола так стремительно бросились к ней навстречу, – видимо, мать ее предупредила, что с ней хотят поговорить журналисты.

– С Беа договаривалась Сабрина, а я только обещала подвезти всех к морю, – начав говорить, Симона заулыбалась и еще больше похорошела. – Я подъехала, правда, опоздала минут на двадцать, может, чуть больше. Сабрину увидела издали на тротуаре перед их гаражом. Она тут же к моей машине подбежала и давай кричать прямо в окно: «Тебе Беа не звонила?! Ты когда от нее в последний раз что-нибудь слышала?!». Даже выйти не дала. Я, помню, удивилась и спрашиваю: «А что случилось-то?» – а она мне говорит: «Беатрича куда-то подевалась, вовремя не явилась и на звонки не отвечает!»

– А ведь дом Сабрины совсем близко от дома Беа? – уточнила Лола.

– Да, близко, не больше пятнадцати минут ходу. А потом, вот почему Сабри так разволновалась-то – сообщение от Беа, что та вышла из дома, она получила, а до них, получается, не дошла.

– И что вы решили делать?

– Ну, мы начали опять набирать Беатриче, а там все: «отключен или вне зоны действия», Сабрина прямо пошла пятнами и что-то насчет похищения загнула. Я еще говорю: «Что это ты сразу про похищение вздумала болтать, может, она где с девчонками треплется, а телефон отключился – бывает такое, если в сумке валяется».

Рассказывала Симона не спеша, обстоятельно, и было заметно, что она старалась ничего не пропустить.

– А Сабрина?

– А Сабрина ответила, что, мол, видела бы ты Беа в Риме – тоже призадумалась бы. Ну тут и я как-то забеспокоилась, и мы решили по городу проехать, поискать ее. Я еще хотела матери Беа позвонить, да Сабри предложила: подожди, мол, пугать, давай сами пока поищем. Да и тоже верно, чего сразу психовать-то, а главное, сама Сабрина на меня страху-то и нагнала...

– А что случилось в Риме?

– Это я точно не знаю, заметила только, что Сабри оттуда приехала злая и надутая на весь мир, а Беатрича, наоборот, довольная и все про Рим рассказывала.

– А не могла Беа просто сбежать в столицу?

– Этого не могу сказать... понравилось ей там очень, но сбежать? Не думаю... А потом, она даже хвалилась, что мама сама ей обещала, что они туда переедут. Может, придумала конечно. – Симона доброжелательно улыбнулась, и Лола совсем забыла про ее лишние килограммы, такой милой была у нее улыбка.

– А матери Беатричи вы все-таки позвонили?

– Ну да. Мы сделали пару кругов по городу и на пляж поехали, вдруг Беа уже загорает давно, или, может, Ивано ее подвез. А когда нигде ее не нашли, начали всех обзванивать – и маму ее, Анну, и тетю Козиму. Я и Ивано набрала, на всякий случай. А потом, дело к вечеру, я Сабрину домой завезла, а сама на работу, и то чуть не опоздала.

Ну что ж, основные вопросы заданы.

– Спасибо, что уделила нам столько времени. Если вспомнишь что интересное – вот моя визитка. – Лола подала ей твердый прямоугольник с отпечатанным на нем темно-синими чернилами текстом.

Симона попрощалась и пошла к дому.

Удивительно – при таком весе и такая легкая походка! Лола смотрела, как Симона, покачивая пышными бедрами, поднималась по лестнице.

Обстоятельства пропажи Беа хоть как-то начали проясняться. Вырисовывались две линии исчезновения: или Беатрича сбежала в Рим, или ее похитили. О втором не хотелось думать... А если обе версии связаны? Если и правда кто-то из новых римских знакомых утащил девочку с собой? Но Симона сказала, что мама и так обещала Беа, что они переедут в столицу. Но куда, куда могла пропасть четырнадцатилетняя девочка в маленьком городе в радиусе пятисот метров ярким солнечным днем?!

Закончив съемку, Стефано тут же заторопился и, махнув рукой на прощанье, повернул к своей машине.

Лола направилась к гостинице. Надо было снова проходить мимо того загадочного дома, и она замедлила шаг. Виллетта была одна из самых больших, наверное, во всей Аверане и, видимо, недавно отремонтированная. Густой сад с высокими пальмами и изгородью из зелени хорошо скрывал ее от посторонних взглядов и оберегал от южного солнца. И вдруг опять закачались кусты и кто-то как будто отпрянул от калитки.

«Ну что за наваждение? Ну кому я нужна здесь, в забытой Богом итальянской деревне? Может, это собака? Да нет, не похоже...» Но никакие новые мысли уже не лезли в голову – солнце клонилось к закату, и надо было спешить на море. Но неприятное ощущение так и застряло в мозгу.

Припарковать машину удалось сразу же. Сколько бы ни говорили и ни писали про время плохого и хорошего солнца, все равно большинство итальянцев приходит на пляж после одиннадцати и уходит в пять или шесть вечера. Лола посмотрела на часы – стрелка как раз подбиралась к шести. Она растянулась на полотенце, которое сразу же нагрелось от горячего песка. И правда, народу почти не было.

Она начала любить дикие пляжи только через пять лет после того, как они окончательно переехали в Италию. Да и сейчас компаниями они всегда ходили в «цивильные» места с зонтиками и лежаками, душем и кабинками для переодевания, музыкой и барами. Но когда Лола была одна, ей хотелось услышать шум моря и почувствовать теплый песок, и чтобы вдаль до горизонта виднелся только пляж и белые дюны, чуть поросшие мелким кустарником.

Лола входила в прозрачную воду, и усталость постепенно оставляла ее. Медленными, но уверенными движениями она стала удаляться от берега.

Она обожала плавать и никак не могла понять итальянцев, которые, придя в самую жару, могли так и пролежать на пляже, ни разу не искупавшись. Повернув обратно, она чуть было не захлебнулась от возмущения. Вдали стояла «Альфа Ромео», а рядом с ее полотенцем сидел тот высокий черноволосый мужчина, который, впрочем, уже успел поменять белую рубашку на голубую.

«Они что, всей семьей за мной следят? То мамаша прибежала прямо из дома и замучила вопросами, то теперь сынок пожаловал». Рабочий день у нее уже закончился, и ей совсем не хотелось ни с кем общаться.

– Как вода? – задал он риторический вопрос вышедшей на берег Лоле.

– Отличная, – в тон ему ответила она и решила, что чем лаконичнее будут ее ответы, тем быстрее удастся от него отделаться.

– Поужинаем вместе?

А уж этого она никак не ожидала. На ее лице отразилось нескрываемое изумление, и он, не дав ей ответить, тут же стушевался и добавил:

– Я, правда, не совсем то имел в виду...

Почувствовав слабость, Лола взяла контроль над ситуацией в свои руки.

– То есть уже не поужинаем, то есть уже и не приглашаешь? А вообще-то не мешало бы представиться для начала.

Он окончательно растерялся и попытался восстановить баланс сил:

– Почему же? Конечно, приглашаю.

И вдруг залился краской, как-то разом, буквально в одну секунду.

– Пино, – протянул он руку, как будто они были на переговорах.

Лола взглянула на него повнимательнее – настолько не вязалось это смущение со всей его внешностью, и вдруг подумала: а может, он и не такой уж придурок?

– А я Лола. Только я на диете и по вечерам мне есть не рекомендовано, – ляпнула она и тут же поняла, что сморозила чушь, ведь ужинать она все равно собиралась, а так как в Аверане всего четыре ресторана, то была большая вероятность встретить его в одном из них.

«Ну и наплевать! Что я, оправдываться, что ли, перед ним буду? Захотела и поела».

Купальник был такой маленький, что уже почти высох, но все же лифчик она решила снять и начала вытаскивать его через верх сарафана, злясь на этого Пино, но и не отходя в сторону. Пусть смотрит, все равно ничего не видно! Но Пино сделал вид, что его очень интересует морской вид.

Он еще и скромного из себя строит. Не дал спокойно искупаться, наверняка появится в ресторане, и, как говорит мама, «вечер обещал быть томным».

Но она ошиблась. Как ни странно, ей удалось спокойно поужинать в гостинице, и все было вполне тихо и пристойно. Ну, может, за исключением нескольких приветствий, которые ей бросили ребята из той же компании, с которой она болтала на площади, дожидаясь Стефано.

До Рима она добралась очень быстро и даже на въезде не поймала пробку. Предполагалось, что отснятый материал пойдет в эфир уже завтра, если ничего нового не произойдет. А потом все будет зависеть от того, что это будут за новости – очень часто зрителям интересно посмотреть, что думали и говорили люди, еще не зная конца истории.

Глава 4

Две недели назад

Да, ей действительно нравились друзья Сабрины. Когда она была помладше, на нее смотрели, как на кукленка, симпатичную малышку, а теперь она все чаще и чаще ловила на себе совсем другие взгляды. И это было так ново и приятно. Беа обнаружила это недавно, а точнее, когда они приехали в Рим к родным. На станции их встречали тетя Ирена с мужем, и она очень хорошо помнит, как муж вытаращил глаза и сказал: «Беа, неужели это ты?»

Наверное, с этих слов все для нее и поменялось, поменялся мир, в котором она вдруг почувствовала свою силу красивой женщины-подростка и не просто красивой, а необычно притягательной: светлые волосы, которые выгорали летом и оттого еще больше золотились на солнце, огромные серо-голубые глаза и пухлые губы. Сабрина однажды сообщила ей, что, когда она красит их красной помадой, это выглядит просто непристойно. Но Беа было наплевать на условности! Она хотела впитывать в себя «липкие» взгляды мужчин – она прочитала это выражение в какой-то книге, и, наконец, почувствовала на себе, что оно означает.

Они много гуляли по раскаленному от зноя Риму. Заглядывали во внутренние дворики, отделанные мрамором и фрагментами античной керамики. Найденные здесь же во время строительства дома и вразнобой вставленные в стены, они напоминали о древнем происхождении города, хотя бывали случаи, когда владельцы новых домов из тщеславия украшали стены фальшивыми черепками. Часто встречались различные фрески, лепнина, идущая по периметру, прекрасные скульптуры, а иногда и фонтанчики, в которые они опускали ладони, чтобы хоть чуть-чуть освежиться. И именно в этом дворике она наткнулась на один из таких взглядов, который в той книжке назывался «липким».

Мужчина выходил из старинного подъезда.

– Давайте я вам покажу Рим, – вдруг сразу предложил он, видимо, тут же догадавшись, что они приезжие.

Сабрина мгновенно рванула в сторону всем своим толстым телом и за руку потащила за собой Беа.

– Зачем это он? Мы и одни все посмотрим, – зашептала она на ухо Беа. Но своими неловкими телодвижениями добила только того, что на выходе они практически столкнулись с мужчиной.

– Ну так что, видели пьядца Навона? Хотите посмотреть? – спросил он, сделав вид, что не слышал шепота Сабрины.

И, конечно, они согласились! Садясь в машину, они замешкались – мужчина галантно открыл переднюю дверь, а ни одна из них не решалась сесть первой. Наконец они все-таки забрались в огромную «Ланчу» с такими прохладными широченными сиденьями. Совсем как взрослая, подумала Беа, поймав на себе очередной взгляд мужчины.

На площади на нее с восхищением смотрели все – и передвигающиеся стайками туристы, и сидящие за столиками праздные люди, и художники, которые на месте рисовали портреты желающим, и просто продавцы картин. А один дядька даже украдкой сфотографировал ее, и Беа тут же выгнулась в талии, претворяясь, что не видит фотографа, и приоткрыла пухлый рот, как это делали известные модели на обложках журналов.

И ей опять вспомнился Ивано и их последний день в Аверане перед отъездом в Рим – вот было бы круто, если бы Ивано обнаружил ее фотку на первой странице «Оджи»¹!

Она всегда слушалась Сабрину как старшую сестру и подругу, да и не рвалась она особенно выйти из-под ее своеобразного контроля, но сегодня что-то перевернулось в их паре.

¹ «Сегодня» (ит. «Oggi») – популярный в Италии журнал.

Она увидела, что Сабрина может быть растерянной и подавленной, и впервые почувствовала себя главной.

Их нового знакомого звали Сандро.

– Вы знаете, что на этом месте был античный стадион?

– Да, вроде слышали, – томно ответила Сабрина, и Беа повернула к ней голову: ну чего лепит, ничего они не слышали про пьядца Навона, а главное, зачем врать, ведь сразу видно, что они две провинциальные девчухи и вряд ли могут что-то знать об истории Рима.

Сандро предложил сесть тут же за столик и что-нибудь выпить.

– Хотите просекко?

Важный официант принял заказ и, видимо, хотел что-то спросить, но, передумав, удалился внутрь бара.

Запотевшие бокалы и маленькие резные тарелочки с крупными оливками и тминными печеньками принесли сразу же, и, пригубив игристый напиток, Беа опять вспомнила Ивано и представила его реакцию. Если бы он мог увидеть ее сейчас на площади в самом центре Рима, с бокалом просекко, нога на ногу!

Как здорово было сидеть вот так и пить маленькими глотками, ощущая на языке лопающиеся пузырьки и глядя на белые скульптуры вокруг фонтана.

Сандро продолжал что-то рассказывать про центральную фигуру Нептуна, но Беа почти не слышала его слов. Голова начинала потихоньку кружиться, и, увидев свое отражение в стеклянной двери бара, Беа просто ошеломенела – на нее смотрели огромные глаза с поволокой – глаза взрослой женщины, а не девочки, и чувственный красный рот, от которого невозможно было отвести взгляд.

С этого дня Беа, как ей казалось, поняла многое. Они спокойно знакомились с мужчинами прямо на улицах Рима. Стоило ей поднять глаза, как практически любой прохожий тут же замедлял шаг. Они, не задумываясь, принимали приглашения в рестораны и бары и уже знали, какую отговорку придумать, чтобы вовремя отвязаться и появиться дома к назначенному времени. И это было так весело! Сабрина ей подыгрывала, и этого было достаточно, чтобы не мучиться вопросами совести.

Как-то раз Беа почувствовала, что сестра не прочь задержаться с тем парнем, которого они подцепили на виа дель Корсо, но как бы Сабри ни хихикала и ни пыхла (она сама это называла «вздывать грудь»), он не обращал на нее никакого внимания. Попытки Сабрины понравиться парню не приносили результата, а Беа прекрасно понимала, что, несмотря ни на что, домой они должны явиться вдвоем, чтобы не вызвать никаких подозрений у родственников. Как если бы именно она была старшей в их паре, она взяла сестру за руку и уверенно потащила прочь. И сделала это очень вовремя, так как этим же вечером Анна позвонила в Рим и справилась у тети Ирены, как они себя ведут и как им отдыхается.

Да, размышляла Беа, кому бы была нужна Сабрина, даже с этой своей убийственной грудью, кто бы их стал клеить и водить по ресторанам, если бы не она, офигенная Беатриче!

Всего пару дней прошло, как они начали играть в эту игру, а уже довели ее до совершенства.

Первое и самое главное правило – чувак должен быть один, так всегда легче уйти вовремя. А второе – надо зажигать, а это им особенно хорошо удавалось. Правда, Сабрина взяла за правило смеяться каким-то гнусавым смехом, который, как она думала, звучал очень сексуально, но даже это не могло ничего испортить. Беа чувствовала себя потрясающе! А главное, ей не хотелось ничего большего, она не ощущала сильного влечения ко всем этим мужчинам, которых завораживала одним своим взглядом. Ей хватало сознания своей власти над ними – вот что было так ново и вот что захватывало и пьянило!

Глава 5

Эфир прошел отлично. Материал, отснятый в Аверане, запросили еще две передачи, и это было удачным ходом, так как таким образом они закрывали свою «дебетовку» с независимыми каналами.

Вся их группа «Медиасет» принадлежала Берлускони и его компании, и между ними существовало негласное правило делиться информацией. Система была как бы бартерная, или, проще говоря, действовал принцип «ты мне – я тебе». С государственными каналами была совсем другая история, тем более что конкуренция между ними была сильнейшая.

Во время эфира прямо на студию позвонил официант из Рима:

– Эта девочка сидела у меня за столиком на пьядца Навона с еще одной девушкой постарше и со взрослым мужчиной. Запомнил ее очень хорошо, так как они заказали просекко, а я еще подумал, что не маловата ли она для шампанского, и хотел даже спросить насчет возраста, но потом меня губы ее сбили с толку, очень были ярко накрашены, и я подумал, что, может, не такая уж она и маленькая... Но глаз-то у меня наметан, и что с мужчиной они только что познакомились, я понял сразу же.

Отличный поворот! Тем более что даже полиция еще не вышла на этого официанта. Неожиданный эксклюзив в прямом эфире! Директор канала наконец-то останется доволен!

Сразу после этого пришел звонок от родственников, которые принимали сестер в Риме. Волнуясь и перекрикивая друг друга, они вопили:

– Мы понятия не имеем, с кем пили шампанское Сабрина и Беа, мы их ни с кем не знакомили, тем более со взрослыми мужчинами! И еще мы очень жалели, что о своем приезде они нас предупредили так поздно и что наши дети, которые как раз подходят им по возрасту, уехали в Грецию на каникулы! Мало того, мы им предлагали поводить их по городу, а они все: «Спасибо, не надо! Мы сами!»

Лола сначала удивилась – и чего они так надрываются? Но тут же сообразила – надорвешься тут, когда к тебе девушек отправили на отдых, а они с посторонними мужиками разгуливают по городу.

Присутствующих на передаче было не остановить, они, сильно жестикулируя и совершенно не слушая один другого, наперебой высказывали свои предположения. Видя довольное лицо режиссера, Лола умело направляла разговор в нужное русло. События развивались, что называется, на глазах у зрителей, и это было как раз то, что надо.

Уже после окончания программы, сидя в гримуборной и промокая салфеткой капельки пота на лбу, Лола подумала, что, видимо, придется вернуться в Аверану, поговорить с матерью Беа и выяснить у Сабрины, что же там произошло в Риме.

Глядя на себя в зеркало, она наслаждалась тишиной и покоем одиночества. Ей вспомнилось, какую баталию пришлось выдержать, когда она наотрез отказалась от суетливой гримерши. Наверное, в Лоле разыгралось совдеповское начало, но это было выше ее сил – ощущать на своем лице прикосновение чужих пальцев, размазывающих коричневый тон по щекам, и легкое поглаживание белых кисточек, которые неприятно щекотали шею и подбородок. А главное, результат всех этих манипуляций был просто ужасен: на экране она выглядела намного старше своих лет, взгляд делался тяжелым из-за низко нависших бровей, а щеки, вопреки заверениям гримеров, оптически раздувались до невероятных размеров.

Она никак не могла понять, как этого безобразия не видит начальство, и, узнав, что, по их мнению, ведущая такой программы должна выглядеть, как крутая баба с твердым характером и пронизывающим взглядом, которая всем своим видом обещает достать кого угодно хоть из-под земли, стала наперекор всему реализовывать свою концепцию.

Первым делом она отказалась от услуг гримеров, запрограммированных на создание монстра. Несколько раз она вышла на телеэкран в своем естественном образе – молодой удачливой журналистки, сопереживающей своим героям. Благодаря тому, что так она чувствовала себя комфортно и органично, эфиры получились очень удачные, и начальство приняло ее трактовку.

Да, еще одной поездки в Аверану не миновать, решила она, уже закрывая за собой дверь студии.

Глава 6

Анне становилось все хуже и хуже, нехорошие предчувствия не давали ей покоя. Полиция и волонтеры прочесали все окрестности и ничего подозрительного не обнаружили. Где могла быть ее девочка? Она не верила, что Беа украли, и загоняла эти мысли как можно глубже, потому что только так оставалась надежда. Но то, что Беа сбежала, она тоже не могла принять, ведь они были так близки с дочкой! Это невозможно, это невозможно, говорила сама себе Анна, но здесь была одна мысль, которая на давала ей покоя. «Ведь никто не мог знать, никто не мог знать», – повторяла она себе.

Она заставляла себя проводить много времени у сестры, и это помогало спастись от наплыва тяжелых мыслей. Сабрина, с ее неукротимой энергией, без конца продумывала дальнейшие планы поиска, и это как-то бодрило ее. Надо было что-то делать, а вместо этого Анна все больше замыкалась в себе. Ей хотелось только одного – сидеть дома и ждать, когда откроется дверь и войдет ее маленькая Беа.

Она часами сидела в комнате дочери, рассматривая ее вещи, каждая из которых была хорошо ей знакома. Ничего подозрительного, все на месте. Вот ее дневники – разноцветные блокноты, в которые Беатрича записывала некоторые события и мысли, почти все листы украшены ее собственными рисунками или вырезанными из журналов картинками. Перелистывая страницы, полные детских рассуждений и описаний нехитрых повседневных событий, Анна лишней раз убеждалась, что не могла вот так дочка бросить ее одну.

Но, пожалуй, некая странность все-таки была – она так и не смогла найти последний дневник. А может, его и не должно быть? Произведя несложные подсчеты, Анна убедилась, что Беа закончила писать как раз перед поездкой в Рим. Но после этого прошло еще почти две недели до ее исчезновения. Конечно, записи появлялись далеко не ежедневно, но все же такого долгого перерыва не было ни в одном блокноте.

Вот и полиция спрашивала о последнем дневнике, но если его не нашла даже Анна, которая знала все укромные места, где дочь могла спрятать что-то секретное, то что говорить о полицейских, которые к тому же не очень-то и старались, видимо, все еще думая, что Беа просто удрала из Авераны.

А потом эта новость о каком-то взрослом мужчине, с которым обеих сестер видел официант с пьядца Навона... Надо бы еще раз расспросить как следует саму Сабрину, а то, когда не надо, она тарыхтит – не остановишь, а тут сразу засобирилась, сказала, что ее ждет Ивано и что это был просто местный, который предложил им показать площадь. Беа, мол, тут же повелась, а Сабрина уже не могла ее остановить и решила – ну что же, пусть покажет, раз ему так хочется, да и что здесь такого, мы же в Риме, а в большом городе вообще все по-другому, все проще. Но, говорит, когда за столиком сидели, он вел себя странновато, все что-то нашептывал Беатриче, а та потом сказала, что это он ей про фонтаны на ушко рассказывал. Не вяжется что-то здесь...

Вдруг в дверь громко постучали. Анна вздрогнула – это мог быть только тот, у кого были ключи от внешней калитки.

– Кто там? – неуверенно спросила она.

Это была Джулиана, помощница по дому. Запыхавшись, она, не задержавшись на пороге, вбежала в комнату и выпалила:

– Маурицио нашел мобильник Беа на соседнем поле!

– О боже!

Анна пыталась собраться с мыслями. «Спокойно, спокойно, – говорила она себе, – что это может значить?»

Неужели Беа действительно украли и перед этим просто выбросили ее телефон? Или она находится где-то рядом, может, в самой Аверане? Или... На другие предположения у Анны просто не хватало духу.

Глава 7

Лола проснулась в отличном настроении и решила, что вечером можно бы и шампанского накатить с друзьями – хорошо выполненная работа позволяла расслабиться. Поставив кофейник на маленький огонь, она вышла на балкон.

«Сегодня кофе буду пить здесь, главное, что можно не спешить», – подумала она.

Квартиру Лола купила год назад, заплатив только тридцать процентов, а на остальное взяв кредит на 15 лет, и все еще не могла привыкнуть, что «это все ее».

Она обожала свою «нору», как еще с детства мама называла ее комнату, где Лола могла играть часами, а потом и квартиру, откуда она тоже могла не выходить целыми днями. Обожала потому, что, во-первых, она принадлежала только ей, а во-вторых, потому, что она устроила здесь все так, как хотелось и мечталось. На самом деле квартира ничего общего с норой не имела – была очень светлая, с большой гостиной, частично объединенной с кухней, спальней, маленьким кабинетом, где Лола держала второй компьютер и все нужные бумаги, и просторной ванной, с окном, выходящим в сквер. С балкона был виден купол собора Святого Петра и верхушки сосен садов Ватикана.

Откинув столик, который она недавно купила и сама приладила к балконной стене, она уселась в кресло с чашкой обжигающего кофе. Завтракала она, как все итальянцы, чашкой кофе и корнетто. Сегодня никаких булок, решила она, глядя на черепичные крыши и блестящий на солнце купол и стараясь не думать о работе. Улыбнувшись яркому лучу, зайчиком прыгающему по блестящему боку кофейника, она потянулась и положила ноги на стоявший рядом стул.

У Лолы была типично русская внешность, но не матрешечно-деревенская, а более утонченная, «городская». Несмотря на довольно высокий рост – метр семьдесят пять, – она любила каблуки и, что немаловажно, умела на них ходить, чем поначалу сильно шокировала окружающих, так как каблук здесь принято «давать» только в торжественных случаях. Даже когда она стала телеведущей, ей неоднократно приходилось наблюдать, как приглашенные актрисы, приехав в кроссовках, переодевают туфли прямо в студии.

Во внешности Лолы, по российским меркам, не было ничего особенного, но все в то же время было очень складно: длинные ноги переходили в круглую попку, грудь красивой формы не требовала бюстгальтера, волосы с выветленными прядями как будто выгорели на солнце, тонкий прямой нос придавал облику некую аристократичность, а в серо-зеленых колдовских глазах, когда удавалось обойти своих собратьев по журналистскому цеху и оторвать очередной эксклюзив, появлялось что-то хищное, волчье.

Таких девушек полно в России – они стаями едут в метро на работу, сильно накрашенные и одетые, как для вечернего приема. К этому русские мужчины давно привыкли. Итальянские же туристы столбенели, толкали друг друга в бок, уверенные, что здесь их никто не понимает. «Bella! Bellissima!» – раздавалось вслед в полный голос. Но какой же русский не знает значения этого слова! Девушки, не привыкшие к комплиментам – красавицей же назвали! – отвечали лукавыми улыбками. Лола в Италии успела отделаться от этой привычки – одеваться каждое утро, как на праздник, и только туфли на каблуках оставила на любое время года. Она по-прежнему была одна из них, русских девушек, только отполированная европейским лоском и уже расслабленная итальянским менталитетом.

Часто, сидя в Шереметьеве и ожидая посадки в самолет «Ал Италии», она слушала, как итальянцы, тарахтя и тараща глаза, делились впечатлениями о повседневной красоте русских женщин, которую мужчины у нее на родине попросту не замечали. И действительно, на улицах Рима чудесные красотки – большая редкость, тогда как в России они ходят толпами.

Что касается русского телевидения, то там с красивыми женщинами было совсем не так хорошо – политические программы, которыми, кстати, кишел эфир, были заняты горластыми ведущими с лошадиными лицами, которые, казалось, были готовы прибить оппонента за противоположное мнение. В рекламных роликах иногда появлялись симпатяги, а остальные обладали вполне средней внешностью, которую, видимо, компенсировал интеллектуальный уровень.

А вот на итальянском телеэкране наблюдалось засилье холеных красоток, возраст которых определить было совершенно невозможно. «И где они их только находят?» – недоумевала Лола, ведь стоило только войти в здание телестудии, как перед глазами расцветала клумба длинноногих фиалок и очаровательных миловидных незабудок, каких и за десять лет не сыщешь на улицах города.

Мысли вернулись к работе.

«Мую передачу будут повторять по другому каналу! «Медиасет»! Неплохо, можно и на себя посмотреть. Хотя все это суета!» – думала она.

Давно уже Лола перестала рассматривать себя на экране и придиричиво отмечать недостатки, но сегодня придется это сделать, чтобы лучше понять, как выстроить следующую программу и не повторяться, и одновременно не дать зрителю запутаться во всех этих событиях.

Она включила телевизор и насторожилась: на экране мелькнул знакомый дом Козимы и стоящий у гаража Маурицио. Понятно, канал «Рай Уно» взялся серьезно за это дело. Она прибавила звук. На первом плане появились глаза Маурицио, на которые начинали наворачиваться слезы, потом показали руки, еще сильные, с заскорузлыми фалангами трясущихся пальцев, вертевших розовый мобильный со стразами, который так не вязался с его внешностью простого крестьянина.

– И вот, когда я уже зажег листву, вижу – что-то блестит в огне. Выхватил телефон и обалдел – ведь в точности такой же был у Беа, – тихо говорил Маурицио.

– И что вы собираетесь с ним делать? – послышался голос журналистки за кадром.

– Отнесу в полицию, конечно.

Вот это да! А утро так хорошо начиналось! Но почему не она, Лола, отрыла этого Маурицио, да еще с телефоном Беа. Стоп, может, это еще и не тот самый телефончик.

Маурицио продолжал сдавленным голосом, в котором уже слышались слезы:

– Я просто чувствую, что это ее. Хотел посмотреть журнал звонков, чтобы точно убедиться, что это племянницы мобильник, но он уже был сломан. Видите? Крышки нет, а вот здесь трещина прямо на дисплее, да еще огнем подпалился, но полиция разберется. Конечно, вы, журналисты, сможете сказать – вот, мол, именно дядя Беатричи нашел ее телефон, а я просто жег листву на соседнем поле...

И он окончательно залился слезами.

Этот мобильный в узловатых руках Маурицио так и стоял у Лолы перед глазами.

Ей захотелось крепко выругаться, что, впрочем, она и не преминула сделать – ну просто твою мать! Надо бы все-таки уточнить – может, кто-то с одного из каналов «Медиасет» находится сейчас в Аверане?

Камера последний раз прошла по фигуре Маурицио, застыла на Козиме, которая тихонько подталкивала мужа в открытую дверь гаража, показала Сабрину, появившуюся на балконе.

Лола уже нажала кнопку на телефоне, чтобы поговорить с главным режиссером. Действовать надо было очень быстро, пока еще все не забыли, что это именно она начала раскручивать эту историю.

Глава 8

Сабрина действительно договорилась о встрече с Ивано – просто позвонила и сказала, что у нее есть дело. А потом начала делать какие-то странные намеки, что сразу не понравилось Ивано, но, конечно, если дело касалось маленькой Беа...

Он по-прежнему называл ее Маленькая Беа и очень хорошо помнил, как Сабрина явилась с ней в первый раз на одну из их тусовок прямо на пляже. Светлые локоны – тогда она еще не выпрямляла волосы, тоненькая фигурка и недетский взгляд – вот, что осталось в памяти от первой встречи. Он сразу почувствовал нежность к этой девочке, и хотя никто и не собирался обижать ее, немедленно взял под свою защиту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.